

Научная жизнь

Некоторые размышления о новинках в отечественном монголоведении

Издательство «Восточная литература» в конце 2016 — начале 2017 г. выпустило почти одновременно три книги, касающиеся истории завоевания Китая монголами и правления в стране династии Юань. Первая из них — IV том «Истории Китая», главным редактором которой является академик С.Л. Тихвинский¹. Этот том охватывает период пяти династий, империю Сун, государства Ляо, Цзин и Си Ся (907–1279). Монгольские завоевания поочередно всех государств, истории которых он посвящен, даются через многогранную призму китайских источников.

Глава третья интереснейшим образом показывает, как Чингисхан наносил удары по чжурчжэньской империи Цзинь, и одновременно, как нерасчетливо вела себя китайская империя Южная Сун, пережившая в 1208–1220 гг. большое количество стихийных бедствий и эпидемий. Это «воспринималось населением в качестве знаков несправедности правящего режима и недовольства им Неба» (с. 336). В это же время при сунском дворе велись жаркие споры относительно принятия внешнеполитической стратегии. Китайское правительство отказалось от предложенного в 1214 г. тангутами союза с государством Си Ся. Авторы, на мой взгляд, справедливо отмечают, что в научных кругах до сих пор обсуждается вопрос: не упустило ли китайское правительство шанс создать союз, который приостановил бы «завоевание монголами Дальнего Востока» (с. 338).

Действительно, стратегия Чингисхана и его полководцев заключалась в том, чтобы уничтожать противников поодиночке. Ход военных действий монголов в Южном Китае дается в материалах тома как череда победоносных наступательных операций монгольских армий. Их не смогли остановить ни китайский флот на реке Янцзыцзян, ни героическое сопротивление отдельных сунских военачальников, защищавших города-крепости. Сказывался психологический надлом в сунском обществе, которое с ужасом ожидало нашествия степняков.

Хочу отдельно отметить вклад в работу над IV томом таких замечательных востоковедов, как Е.И. Кычанов, А.С. Мартынов, К.К. Флуг, С.А. Школяр. Их уже нет с нами, но свет этих звезд все еще доходит до нас через новые книги, в которых учтены их научные разработки.

В V томе десяти томной «Истории Китая»² основному автору, д.и.н. А.Ш. Кадырбаеву, удалось сделать повествование не только богатым и точным с исторической точки зрения, но живым и увлекательным для чтения. Как и в предыдущем томе, здесь участвовали такие уже ушедшие от нас выдающиеся китаеведы, как А.А. Бокшанин и Б.Л. Рифтин. В число авторов поставлен и В.Ф. Сорокин, который для своей монографии о Юаньской драме перевел 125 пьес того периода.

Авторы тома точно раскрывают причины побед монгольских воинов, показывают их высокое тактическое искусство в сражениях. Кавалерия Чингисхана и его потомков не имела равных в джигитовке и стрельбе из лука. Многие монголы усвоили из китайского военного опыта и военной техники. Ведь учение Сунь-цзы насчитывало уже не одно столетие.

Хочу особо отметить, что для русскоязычного читателя будет весьма интересен раздел этого тома, озаглавленный «Запад или Восток? Монгольское владычество на Руси и выбор ее правящей элиты: Даниил Галицкий и Александр Невский». Здесь авторы подробно анализируют русскую дипломатию за весь период даннических отношений Руси с Золотой Ордой (с. 193–204). Но угрозу в то время представляла не только Золотая Орда. Европейские соседи новгородских и псковских земель начали вытеснять русских из Прибалтики. Хотя Александру Невскому удалось в какой-то мере устранить эту угрозу, однако многие земли были потеряны.

Кстати, монгольские собиратели дани вели себя различно. По преданию, основателем Ипатьевского монастыря был татарский мурза Чет, родоначальник Годуновых. В 1330 г. на пути в Москву — для поступления на службу к московскому князю Ивану Калите — Чет остановился на месте, где река Кострома впадает в Волгу; здесь в ночном видении ему явились Пресвятая Богородица с апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием, епископом Гангрским. После этого Чет принял крещение с именем Захария и основал на месте видения иноческую обитель во имя священномученика Ипатия³.

Примерно такая же история и в Боровске. Основатель Пафнутиева монастыря преподобный Пафнутий Боровский был внуком татарина, собиравшего дань с особым рвением и жестокостью, но затем раскаявшегося и принявшего христианство. Внук же отличался милосердием к бедным (умер в 1478 г., в 1540 г. причислен к лику святых).

Третьим подарком для заинтересованных читателей является книга, по объему существенно меньшая, чем упомянутые тома. Она носит название «Хэй да ши люэ» — «Краткие заметки о черных татарах»⁴. Такое название всей книге дал публикуемый в ней китайский источник, который был создан в XIII в. двумя китайскими послами, с небольшим интервалом направлявшимися династией Южная Сун в Ханбалык (Пекин) — столицу захваченной монголами части Китая. Речь идет о дипломатической активности Китая в последние годы правления династии Южная Сун (1127–1279). Власть сунских императоров была ограничена лишь территорией к югу от Янцзы. Остальная часть страны уже находилась под властью монгольских завоевателей. Сунские правители попытались установить с монголами дипломатические отношения и направили к ним одно за другим два посольства в 1233 и в 1235–1236 гг. Послы вели путевые заметки, в которых старались подробно рассказать о том народе, который завладел китайскими землями. Записки об увиденном и услышанном в монгольских владениях, составленные обоими послами, были позднее объединены в один текст. Он представляет собой интереснейший документ о контакте двух буквально противоположных по основным параметрам цивилизаций. Это дипломатический отчет, посвященный интересному эпизоду во взаимоотношениях китайской и монгольской культур. Он повествует, в первую очередь, о культуре монголов-завоевателей, стремившихся присоединить к своим владениям весь Китай.

В книге опубликован китайский текст «Хэй да ши люэ», в свое время изданный известным китайским ученым Ван Говэем. Несколько лет тому назад он появился в коллективном труде немецких авторов под руководством Эриха Хэниша, где и был переведен на немецкий язык. Этот перевод, с любезного согласия немецких коллег, и был взят за основу нового, первого в России издания «Кратких заметок о черных татарах». Перевод с немецкого на русский язык, осуществленный под редакцией Е.Р. Нестеровой, снабжен ею обширным комментарием текстологического и исторического характера. Этот комментарий заслуживает внимательного чтения и самой высокой оценки. Дело в том, что его автор, давая пояснительные и критические замечания, опиралась на огромный

свод исторических источников, таких как «Юаньчао биши», «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Тарих-и джахан-гушай» Джувейни, «Сират ас-Султан» Ан-Насави, «Мэнда бэйлу» Чжао Хуна, надгробная надпись на могиле Елюй Чуцай и исследования отечественных и западных востоковедов.

Кроме этого, в настоящее издание включен ряд статей, подготовленных академическими монголоведами, посвященных различным аспектам деятельности монголов в Китае: формированию государственного управления и правового поля, религиозной политике, языковой ситуации, идеологии, использованию на службе представителей покоренных народов, а также другим сохранившимся от того времени историческим источникам, помимо «Хэй да ши люэ». В них так же имеются сведения о взаимодействии культуры средневекового Китая с культурами и религиями его соседей.

Сегодня термин *диалог культур* стал модным. На повестке дня общественных наук стоит проблема: как соотносится глобализация всех сторон жизни человечества с сохранением культуры каждого из народов Земли. Ученые пришли к выводу, что условием дальнейшего существования и методом развития каждой из культур является ее равноправное (в виде диалога) взаимодействие с другими культурами⁵. В наши дни культура, как нечто целостное, является неотъемлемой частью большинства государств. Но ведь само понятие культура появилось еще в Древние века. Аристотель указывал, что человек, которому от природы дан разум и способность к труду, является творцом культуры, а с нею искусства в широком смысле слова⁶. Популяризируя в Риме греческую культуру, Марк Туллий Цицерон придавал особое значение философии и ораторскому искусству, основы которого были сформулированы греками.

Но в тот период на передний план во взаимодействии цивилизаций выходила не духовная, а материальная культура. Изобретение колеса обогатило весь мир. И можно сказать, что в те эпохи внимание государств, соседних и отдаленных от признанных очагов развития материальной культуры, привлекалось именно тем, что давало военный перевес. Путем изобретения пороха и катапульта шел диалог материальных культур. Именно эти культурные достижения Китая монголы и переняли в первую очередь.

Но были и пока еще мало объясненные явления духовной культуры, перекликавшиеся в государствах, весьма удаленных друг от друга. В древней Месопотамии был принят шестнадцатеричный счет, так же, как и в древнем Китае. В древности и в период Средних веков Восток обогащал Европейский континент научными знаниями. Известно, что арабы принесли в Европу алгебру, когда Кордовский халифат (929–1031 гг.) на протяжении сравнительно долгих лет являлся центром развития различных наук не только в Испании, но и далеко за ее пределами. О том, как у самих арабов появились научные знания, прекрасно, на мой взгляд, рассказал в своей книге «Открытие Индии» Джавахарлал Неру.

«Было нормальным то, — пишет он — что в первые дни существования религии, основывавшейся на четких концепциях и верованиях, вера доминировала, и отклонения от нее не принимались и не одобрялись. Эта вера привела арабов к далеким рубежам, и их триумфальный успех сам по себе должен был зависеть от веры. И, наконец, мы находим их перешагивающими через догматы и верования, склоняющимися к агностицизму и идеям, повернувшим их старания и энергию к рискованному замыслу. Арабы-путешественники, одни из самых великих в этой среде, достигали столь далеких стран в поисках того, что другие народы делают и как они думают, чтобы изучить и понять их философские взгляды и научные достижения, их образ жизни, и таким образом обогатить свое собственное мышление.

Ученые и их книги были доставлены в Багдад, и Халиф Аль-Мансур (середина восьмого века) основал специальное Бюро изучения и переводов, где переводы делались с греческого, арамейского, авестийского, латыни и санскрита. Древние монастыри в Сирии, Малой Азии и Леванте стали местами розыска рукописей. Старые александрийские школы были закрыты христианскими епископами, и тамошние ученые были изгнаны.

Многие из этих изгнанников переместились в Персию и в другие места. Они нашли радужный прием и безопасную гавань в Багдаде и принесли с собой греческую философию и науки, математику — Платона и Аристотеля, Птолемея и Эвклида. Это были несторианские и иудейские ученые и индийские физики, философы и математики.

И это продолжалось и развивалось в период правлений халифов Гаруна аль Рашида и аль Манума (восьмой и девятый века) и Багдад стал крупнейшим интеллектуальным центром цивилизованного мира»⁷.

Китай, задолго до Багдада, в своем регионе стал интеллектуальным центром для государств и народов Восточной Азии. На протяжении тысячелетий он граничил на севере с территориями, населенными степными народами. Еще Конфуций называл их «живущими среди пустыни» и призывал постепенно приобщать их к китайской цивилизации. Как отмечалось в нашем китаеведении: «Китай и Россию, с точки зрения взаимодействия народов и обществ, можно рассматривать как части гигантского геополитического целого на материке Евразии. Эти части — два наиболее крупных очага земледелия, которые, подобно двум чашам весов, непосредственно примыкают к длинному коромыслу — бескрайнему поясу евразийских степей и пустынь, протянувшихся от Карпат до Великой Китайской стены. Именно вхождение в этот гигантский геополитический комплекс и сформировало в обеих странах на протяжении многих веков основные структуры их внутри- и внешнеполитического бытия — борьбу поля со степью»⁸.

С появлением у монголов такого лидера, каким стал Чингисхан, началась ожесточенная борьба степи с полем. Идеология завоевателей была сформулирована в виде «Назидательного рассказа» Чингисхана. Этот рассказ передал Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей» (1310–1311): «[Величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, сесть на его хорошего хода [коня] <...> превратить животы его прекраснотелих супруг в ночное платье для сна и подстилку <...>»⁹.

Степняки-завоеватели сокрушили многие государства, созданные оседлыми народами. Что касается Китая в период монгольского правления, то об этом детально повествует упомянутый нами V том десятилетия «История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Династия Юань, династия Мин».

Но не только Чингисхан и его потомки были завоевателями, сокрушавшими все на пути своих походов. Вспомним «великое переселение народов» — термин, которым европейская историография назвала движение племенного союза пришедших из Восточной Азии гуннов, под руководством Атиллы в 441 г. перешедших Дунай и до 454 г. угрожавших Риму. Вспомним и Тимур-ленга (Тамерлана, 1336–1405), разгромившего Золотую Орду и совершившего успешные походы в Иран, Индию, Закавказье, Малую Азию. Как можно было кочевать или идти в походы верхом на лошадях, скакать изо дня в день от зари до зари? Этому способствовали такие азиатские «изобретения», как широкий пояс (кушак), фиксировавший внутренние органы наездников, и зеленый китайский чай, имеющий бактерицидные свойства и помогавший избегать эпидемий в условиях походной антисанитарии¹⁰. Все это происходило на необъятной территории Великой степи, через которую пролегал и созданный Китаем Великий шелковый путь, соединявший Восточную Азию с Европой.

Китайцы в древние времена называли свою страну Поднебесная. В современном китайском языке *tianxia* означает: 1) мир, свет; поднебесная, вселенная. *Tianxia weigong* — Поднебесная есть общественное достояние (так говорили Конфуций и Сунь Ятсен); 2) уст. Китай, китайская империя; *juan tianxia* — отказаться от престола¹¹.

В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится, что в период Западной Хань, при правлении ханьского Гао-цзу (Лю Бана), его советником был историк, литератор, философ Лу Цзя. Он сопровождал Лю Бана в военных походах, неоднократно был послом

и вел переговоры с удельными владельцами (*чжу хоу*). Лу Цзя путем синтеза древних философских школ положил начало созданию имперской идеологии. Он предлагал императору читать «Шицзин» и «Шуцзин». На что Гао-цзу возразил, что он получил Поднебесную сидя на коне, зачем ему читать «Ши цзин» и «Шу цзин»? Лу Цзя, который критиковал «предельную воинственность» Цинь Ши-хуана, приведшую империю Цинь к гибели, ответил: «Хотя Вы получили ее, сидя на коне, но разве можно управлять ею с коня?». Эту истину на практике прекрасно усвоили и монгольские завоеватели.

В 195 г. до н.э. в Китае было заключено «соглашение» о династии и праве престолонаследия, в котором говорилось, что «Поднебесная — это Поднебесная Гао-цзу»¹².

Для русского языка перевод *tianxia* как «Поднебесная», — находящийся под небом, небесами, Земля, весь мир, Вселенная, — был органичен. «Поднебесье» означало: простор, пространство, ширь под небесами. С давних лет существовала пословица: «Птичьего молока во всей поднебесной не найдешь»¹³. Первым русским китаеведом, кто начал переводить с китайского (а не с маньчжурского) языка был Н.Я. Бичурин. Думаю, что он и был первым, применившим термин «Поднебесная» в качестве синонима к понятию Китайская империя.

Академик В.М. Алексеев переводил «Старинного типа пятизначные стихи». Обратившись к стихотворению Вэй Чжэна «По-прежнему о заветном», которое начиналось строкой: «В Серединной Равнине все еще травят оленя», Василий Михайлович снабдил ее следующим примечанием:

«В Серединной Равнине, т.е. в Китае, называемом так по традиции в память будто бы центрального положения династии Чжоу и ее удела среди других. Я предлагаю другое объяснение, при котором слово “серединный” в приложении к Китаю означает “находящийся под самым нашим (т.е. центральным для зрителя) небом”, и в этом астрологическом значении равносильно другому термину, называемому Китай “Поднебесною” (Тянься), т.е. опять-таки “страною, расположенною под нашим (нам видимым и единственно для нас интересным) небом”.

Травят оленя (гонятся за ним, преследуют его) — образно о конкурентах на один и тот же всекитайский престол. В древнем сочинении по тактике (“Лю тао” — без точной даты, но, по-видимому, первых веков до нашей эры) об этом образном выражении говорится так: “Те, кто берут себе Поднебесную Страну, Китай, напоминают травящих дикого оленя, а у Поднебесной Страны настроение такое, будто ее мясо делят на куски”. В одной древней биографии уже прямо пользуются этим образным выражением как общепринятым и рядовым: “(Династия) Цинь упустила своего оленя, и вся Поднебесная Страна ринулась за ним”. — Ясно, что под “оленем” разумеется всекитайский трон. Не случайно, что в китайском искусстве (особенно народном) благоволение небес (в древнем каноне “Од и песен”, “Ши цзине” часто адресуемое царю или князю) изображается символично в виде оленя, по типу шарады, где *Лу* благоволение небес и *Лу* — олень приблизительно созвучны»¹⁴.

Для монголов-кочевников «охота на оленя» в прямом и переносном смысле была если не любимым, то, по крайней мере, привычным занятием. Нельзя пройти мимо интересного наблюдения авторов соответствующего раздела во втором томе нового издания «Всемирной истории», где утверждается, что создававшиеся кочевниками империи «являлись зеркальными двойниками китайских династий. Они появлялись в то время, когда Китай расцветал и был способен приносить прибыль кочевникам в виде военной добычи и вымогаемых подарков (в древности хунну и Хань, в Средние века тюрки/уйгуры и Суй/Тан, монголы-ойраты и Мин)»¹⁵.

В Китае периодически, примерно раз в 200 лет, происходил кризис династий, вызывавший экономический и политический упадок. Так родилась пословица: «Когда император совершает ошибку, страдает народ». Как правило, в результате восстаний к власти приходила новая династия. Это вновь настраивало кочевников-степняков севера

и северо-запада на консолидацию, порой приводившую к созданию своих империй. «Т. Барфильд полагает, что такие империи можно называть *теневыми*, поскольку они возникали как бы в тени уже существующих цивилизаций и империй (с современной точки зрения этот термин удачен и в том отношении, что подчеркивает именно «теневой» характер экономики подобных паразитических структур)»¹⁶.

Однако вряд ли Монгольскую империю, созданную в начале XIII в. Чингисханом, можно считать «теневой». Ведь она существовала не «в тени Китая», а, в конце концов, прямой потомок Чингисхана — Хубилай — завоевал Китай и создал на его основе китайскую империю, названную Да Юань — Великое начало. Чингисхан получил китайское традиционное имя Тайцзу — Великий предок. В 1279 г. Великий хан Хубилай стал Сыном Неба. «Никогда раньше Китайская империя не достигала таких огромных размеров, однако, по правде говоря, власть Хубилая как Великого хана над его отдаленными родственниками была чисто номинальной»¹⁷. Как тут не вспомнить китайскую пословицу: «Быть возле императора — все равно, что спать с тигром».

А вот что говорилось о правлении Хубилая нашими китаеоведами в первой четверти XIX века: «Надобно заметить, что между тем, как у других азиатских народов астрология была зарею истинной астрономии, китайцы, углубляясь в свое звездословие уже несколько тысяч лет, не оказали никаких успехов собственно в науке астрономической. Древние прославленные их обсерватории и принадлежащие к оным инструменты привезены были сюда учеными, коих знаменитый Хубилай, внук Чингисхана, пригласил сюда из Балха и Самарканда»¹⁸.

Нет сомнения в том, что создание Чингисханом своей империи и Хубилаем — своей было высшим достижением в истории монгольского народа. Осознание этого берет свое начало в том, что поклонение Чингисхану еще при его жизни «обретало религиозные черты, а для членов Золотого рода Чингисидов культ знаменитых предков служил обоснованием их политических притязаний»¹⁹. Но есть и другая сторона этой истории. В походы Чингисхана и его сыновей ушли лучшие представители монголов того времени, настоящие богатыри. В самой Монголии оставались не пригодные к службе. Это вызвало нарушение генетического потенциала нации. Аналогичный ущерб понесла и Франция после войн Наполеона.

В наше время Чингисхан остается в сознании монголоязычных народов крупнейшим героем их истории. В 2012 г. в Лондоне был открыт памятник Чингисхану, конная статуя работы бурятского скульптора Даши Намдакова. За год до этого скульптор был принят в королевском дворце и беседовал с герцогом Эдинбургским, что и послужило разрешением на установку монумента. Отливка памятника происходила в Италии. Планировалось перевезти эту скульптуру в Монголию.

© 2017

Академик В.С. Мясников

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IV: Период пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзин и СиСя (907–1279) / отв. ред. д.и.н. И.Ф. Попова. М.: Вост. лит., 2016. (*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-01-16073*).
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. V: Династии Юань и Мин (1279–1644) / отв. ред. д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, д.и.н. А.А. Бокщанин. М.: Вост. лит., 2016. (*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-01-16016*).
3. Современные ученые полагают, что Ипатьевский монастырь был основан раньше — в середине или конце XIII века — новгородцами, особенно почитавшими священикомученика Ипатия (как покровителя посадников Великого Новгорода) и апостола Филиппа; известно, что именно

новгородцы использовали в древности реку Кострому для выхода к Волге. Однако участие Захарии-Чета в судьбе Ипатьевской обители несомненно: оно подтверждается вниманием, которое оказывал этому монастырю род Годуновых.

4. «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: Вост. лит., 2016. (*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-01-16099*).
5. См.: Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1996–2015). СПб: СПбГУП, 2015. 880 с.
6. Словарь античности. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. С. 300. Более полное определение термина *культура* см.: Антропологический словарь. М.: Классик стиль, 2003. С. 133.
7. *Nehru Jawaharlal*. The Discovery of India. Oxford University Press, 1982. P. 231–232.
8. *Мартинов А.С.* Россия и Китай: сходство наследия — общность судьбы. // Звезда. 1995. № 10. С. 168.
9. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л., 1946. С. 265.
10. *Игнатович А.Н.* Чайное действо. М., 2011.
11. Большой китайско-русский словарь / сост. под рук. проф. *И.М. Ошанина*. Т. 3. М., 1984. С. 669.
12. Духовная культура Китая. Историческая мысль и правовая культура. М.: Вост. лит. 2009. С. 46–47.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 2006. С. 189.
14. *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды. М.: Вост. лит., 1978. С. 142–144.
15. Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. тома чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. С. 492.
16. Там же.
17. *Бамбер Гасконе*. Краткая история династий Китая. СПб: Евразия, 2009. С. 218.
18. *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть вторая: пребывание в Пекине. СПб: В типографии Медицинского департамента Министерства Внутренних дел, 1824. С. 57–58.
19. История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.) Кн. 1. М.: Вост. лит., 2004. С. 23.